

ГЛАВА 1

Ханна

Он даже не подозревает о моем существовании.

В тысячный раз за последние сорок пять минут я тайком поглядываю на Джастина Кола. Он так красив, что у меня дух перехватывает. Хотя в этом случае мне следовало бы придумать другое определение — мои друзья мужского пола утверждают, что мужчинам не нравится, когда их называют *красивыми*.

Но, черт побери, просто невозможно как-то иначе описать мужественные черты его лица и проникновенный взгляд карих глаз. Сегодня на нем бейсболка, но я знаю, что она скрывает густые темные волосы, такие шелковистые и мягкие на ощупь, что хочется запустить в них пальцы.

За пять лет, прошедших с того жуткого дня, когда меня изнасиловали, мое сердце сильно забилося только дважды.

Но первый парень бросил меня.

А второй просто не замечал.

В аудитории, стоя за кафедрой, профессор Толберт произносит речь, которую я бы назвала «Речью обманутых надежд». Уже третью за шесть недель.

Сюрприз, сюрприз! Семьдесят процентов группы получили на промежуточном экзамене оценку *C-плюс*¹ или ниже.

А я? Я получила высший балл. Я бы соврала, если бы сказала, что большая красная *A*, обведенная кружком, не стала для меня полным шоком. Все, что я сделала, пытаясь выполнить задание, — это настрочила бесконечный поток чепухи.

Предполагалось, что такой предмет, как этика, окажется легким и приятным. Препод, который вел ее, раздавал нам множество тупых тестов, а завершающий так называемый «экзамен» состоял из эссе на тему «Моральная дилемма и ваш собственный выбор».

Но за две недели до начала семестра профессор Лейн неожиданно умер от сердечного приступа. Болтали, что домработница нашла его на полу в ванной, голого. Жаль мужика.

К счастью (конечно, это шутка), появилась некая Памела Толберт и взяла курс Лейна. Она новичок в Брайаре, потому входит в круг тех преподав, которые хотят заставить студентов работать вместе и «включаться» в материал. В каком-нибудь фильме она могла бы сыграть роль молодой, амбициозной учительницы, которая приходит в некую школу в небогатом, перенаселенном микрорайоне, ставит все с ног на голову, и вдруг подростки откладывают в сторону свои «калашниковы» и сразу хватаются за карандаши, а потом в конце ползут титры, где сообщается, что все ученики поступили в Гарвард, или еще какая-нибудь фигня. Хилари Суонк² за эту роль тут же получает «Оскар».

Только у нас тут не кино снимают, так что Толберт добилась одного: теперь ее все ненавидят. Кажется, она

---

¹ Система оценок в образовательной системе США и Канады: **A** — отлично, **B** — немногим выше, чем средние знания, **C** — средние знания, **D** — присутствует значительное количество ошибок, **E** — работа выполнена очень плохо, **F** — результат не дотягивает до удовлетворительного уровня или стандарта.

² *Swank, Hilary* — американская киноактриса (р. 1974).

искренне не понимает, почему никто не стремится получить высокие баллы по ее предмету.

Подсказка: потому что она предлагает темы, по которым обычно пишут выпускные работы.

— Всем, кто не написал эссе или получил С-минус или ниже, я готова предложить пересдачу. — Толберт морщит нос, как будто не понимает, зачем это вообще надо.

Что за слово она произнесла — «готова», кажется? Да, точно. Я слышала, что толпы студентов ходят жаловаться на нее своим кураторам, и, подозреваю, что именно администрация вынуждает ее устроить для всех пересдачу. Когда больше половины курса проваливает экзамен, особенно если речь идет не о каких-то бездельниках, все это плохо сказывается на репутации университета. Экзамен завалили даже круглые отличники, вроде Нелл, которая сидит рядом со мной и дуется.

— Тем, кто выберет пересдачу, будет выставлена средняя оценка по двум работам. Если же у кого-то вторая оценка будет ниже, то в зачет пойдет первая, — заканчивает Толберт.

— Просто не верится, что ты получила А, — шепчет мне Нелл.

Она так расстроена, что мне даже ее жалко. Нас с ней ничего не связывает, мы даже не близкие подруги, но поскольку с сентября выбрали места по соседству, то, вполне естественно, уже успели узнать друг друга. Нелл учится на медицинском, и я знаю, что она из сверхпреуспевающей семьи, которая вымажет ее дегтем и вываляет в перьях, если узнает результаты этого экзамена.

— Мне тоже, — шепчу я. — Честное слово. Почитай мою писанину. Там же сплошная чушь.

— А что, можно? — Нелл преисполняется энтузиазма. — Полезно будет знать, что тиранша считает работой на «отлично».

— Сегодня же вечером перешлю тебе по «мылу», — обещаю я.

Едва Толберт отпускает нас, аудитория тут же заполняется шумом «а давайте-ка уберемся к черту подальше

отсюда». Захлопываются ноуты, тетради падают в рюкзаки, студенты вскакивают со своих мест.

Джастин Кол останавливается у двери, чтобы с кем-то поговорить, и мой взгляд устремляется к нему, как реактивный снаряд. Он прекрасен.

Я уже рассказывала о том, как он красив?

Я смотрю на его совершенный профиль, и у меня потеют ладони. Парень учится в Брайаре с этого года — перевелся из какого-то колледжа, не знаю, из какого именно, — и уже успел стать общепризнанной звездой футбола в качестве принимающего, но он сильно отличается от других спортсменов. Например, не шляется по территории с высокомерной ухмылкой избранника божьего и не появляется каждый день в обнимку с новой девчонкой. Я видела, как он шутил и смеялся, стоя в компании своих товарищей по команде, и при этом в нем чувствовались интеллект и сила. Возможно, он далеко не так прост, как кажется. И из-за этого мне еще отчаянней хочется лучше узнать его.

Я не особо жалую качков, но в этом есть нечто такое, что превращает меня в набитую дуру.

— Опять принялась за старое.

Насмешливый голос Нелл заставляет меня покраснеть. Она уже не раз ловила меня на том, как я таращусь на Джастина, и она одна из немногих, кому я призналась в своей слабости.

Элли, моя соседка по комнате, тоже знает, а вот другие мои друзья? Нет, черт побери. Большинство из них учится на музыкальном или на актерском, так что мы тут все знатоки искусства. Или, может, эмоциональной сферы. Их всех — кроме Элли, которая с первого курса вязнет в то разгорающихся, то затухающих отношениях с однокурсником — хлебом не корми, только дай обсмеять элиту Брайара. Обычно это происходит без меня (мне нравится думать, что я выше сплетен), но... взглянем правде в глаза. Большинство популярных студентов — и правда дебилы.

За примером далеко ходить не надо: Гаррет Грэхем, еще одна спортивная звезда на нашем курсе. У этого

придурка такой вид, будто университет принадлежит ему. Думаю, в какой-то мере это так. Ему достаточно щелкнуть пальцами, и рядом с ним мгновенно появляется готовая на все девица — прыгает ему на колени или сует свой язык ему в глотку.

Однако сегодня Гаррет не выглядит СПКЧ¹. Все уже вышли из аудитории, в том числе и Толберт, а он сидит на своем месте, вцепившись руками в тест.

Наверное, он тоже не сдал, но мне его не жалко. Брайар прославился двумя вещами: хоккеем и футболом, что не особо шокирует, если учесть, что Массачусетс — это родной дом для *Patriots* и *Bruins*². Спортсмены, играющие за наш университет, обычно пополняют ряды профессионалов, и за время учебы им все преподносится на серебряном блюде, в том числе и оценки.

Так что — да, может, я не лишена мстительности, но я торжествую от мысли, что Толберт «завалила» капитана нашей хоккейной команды-чемпиона.

— Не хочешь перехватить чего-нибудь в «Кофе-Хат»? — спрашивает Нелл, собирая учебники.

— Не могу. У меня через двадцать минут репетиция. — Я встаю, но уходить не спешу. — Ты иди. Мне нужно еще проверить расписание. Не могу вспомнить, когда у меня следующая консультация.

Еще одна «фишка» курса Толберт — это две получасовые консультации каждую неделю, которые мы обязаны посещать. Единственный положительный момент состоит в том, что их ведет ассистентка Дана, а она обладает всеми теми качествами, которых недостает Толберт. Например, чувством юмора.

— Ладно, — вздыхает Нелл. — Увидимся позже.

— До встречи, — говорю ей вслед.

При звуке моего голоса Джастин останавливается в дверях и поворачивает голову.

О! Боже! Мой!

---

¹ С понтом, крутой чувак.

² Футбольная и хоккейная команды штата Массачусетс.

Я ничего не могу сделать с ярким румянцем, заливающим мне щеки. Это наш первый зрительный контакт, и я не знаю, как реагировать. Сказать «привет»? Помогать? Улыбнуться?

В конечном итоге я едва заметно киваю. Вот так. Равнодушно и небрежно, как и подобает искусственной студентке.

Мое сердце спотыкается, когда уголок рта Джастина слегка приподнимается в улыбке. Он кивает в ответ и уходит.

Я тарашусь на пустой дверной проем. Пульс скачет галопом. Ни фиги себе! После шести недель, что мы дышали одним и тем же спертым воздухом в этой аудитории, он наконец-то заметил меня!

Я жалею, что не отважилась пойти за ним. Может, даже пригласить выпить кофе. Или поужинать. Или пригласить на бранч... Стоп, а у людей нашего возраста может быть бранч?

Мои ноги будто приросли к блестящему ламинату.

Потому что я трусиха. Да, черт побери, я трусливая курица. Я в ужасе, что он скажет «нет», но мне еще страшнее от того, что он скажет «да».

Когда я начала учиться в колледже, то уже стабилизировалась. Беда осталась позади, моя бдительность ослабла. Я была готова к тому, чтобы снова ходить на свидания, и я ходила. Я встречалась с несколькими парнями, но никто, кроме Девона, моего бывшего, не заставлял мое тело так реагировать, как делает это Джастин Кол, что дико меня пугает.

«Маленькими шажками».

Вот именно. Маленькими шажками. Это был любимый совет моего психотерапевта, и я не могу отрицать, что эта стратегия во многом помогла мне. Сосредоточься на маленьких победах, всегда мне советовала Кэрол.

Итак... сегодняшняя маленькая победа... Я кивнула Джастину, и он улыбнулся мне. На следующей лекции я, наверное, улыбнусь в ответ. А еще на следующей я возьму на себя инициативу насчет кофе, ужина или бранча.

Я глубоко вздыхаю и иду по проходу, пестуя в себе чувство крохотной, но все же победы.

Маленькими шажками.

* * *

Гаррет

Я не сдал.

Я, черт побери, не сдал.

Пятнадцать лет Тимоти Лейн раздавал А, как леденцы. И надо же такому случиться, чтобы именно в тот год, когда я записываюсь на этот курс, «мотор» Лейна заглохнет, а я упрусь в эту Памелу Толберт.

Заявляю совершенно официально. Эта женщина — мой заклятый враг. От одного вида этого вычурного почерка — ее писанина заполняет каждый свободный дюйм на полях моей работы — мне хочется превратиться в Невероятного Халка и разорвать листы на мелкие кусочки.

По большинству других предметов я дотягиваю до А, но по этике у меня выходит F. В сочетании с С-плюс по истории Испании средний балл падает до С-минус.

А мне нужно С-плюс, чтобы оставаться в команде.

Обычно у меня нет никаких проблем с тем, чтобы поддерживать средний балл на нужном уровне. Несмотря на то что думают окружающие, я совсем не тупой качок. Хотя пусть думают, я не против. В частности, девицы. Кажется, они сдвинуты на мечте трахнуть мускулистого дикаря, который только на одно и годен. А что до меня, то я не ищу ничего серьезного, меня вполне устраивают случайные переписки с телками, которых интересуется только мой член. Зато остается больше времени для хоккея.

Но никакого хоккея не будет, если я не получу нужный балл. Знаете, что в Брайаре хуже всего? Наш декан требует совершенства и в учебе, и в спорте. В других колледжах к спортсменам более снисходительны, а в Брайаре проводится политика нулевой терпимости.

Чертова Толберт. Еще в самом начале занятий я подходил к ней и просил дополнительные баллы, и она

своим гнусавым голосом велела мне посещать консультации и встречи исследовательской группы. Что я и делаю. В общем, мне остается только найти какого-нибудь вундеркинда, чтобы он надел маску с моим лицом и вместо меня отправился на пересдачу... иначе мне конец.

Мое раздражение выражается в довольно громкомestone, и краем глаза я вижу, как кто-то удивленно вздрагивает.

Я тоже вздрагиваю, потому что думал, что барахтаюсь в своей беде в одиночестве. Девчонка, которая обычно сидит на последнем ряду, идет по проходу к столу Толберта.

Мэнди?

Марти?

Я не могу вспомнить, как ее зовут. Наверное, потому, что я так и не удосужился узнать. А она клевая. Гораздо симпатичнее, чем я думал. Милое личико, темные волосы, соблазнительная фигурка— черт, как же получилось, что я раньше ее не замечал?

Зато сейчас заметил. Узкие джинсы обтягивают круглую аппетитную попку, которая так и кричит: «Ущипни меня!» Пуловер с угловым вырезом подчеркивает впечатляющий бюст. У меня нет времени восхищаться всеми этими прелестями, так как девчонка замечает мой взгляд и хмурится.

— У тебя все в порядке? — спрашивает она, глядя на меня в упор.

Я бурчу себе под нос. Я не в том настроении, чтобы вести беседы.

У нее изгибается одна бровь.

— Прости, это был английский?

Я комкаю свою работу и с грохотом отодвигаюсь на стуле.

— Я сказал, что все нормально.

— Что ж, хорошо. — Она пожимает плечами и идет дальше.

Девчонка подходит к доске, на которой вывешено наше расписание, а я надеваю куртку с логотипом уни-

верситетской хоккейной команды, пихаю бумаги в рюкзак и застегиваю на нем «молнию».

Темноволосая девица поворачивается, чтобы уйти. Мона? Молли? Похоже, имя точно начинается на М, но вот остальная его часть для меня тайна. У нее в руке ее работа, но я даже не пытаюсь разглядеть оценку, так как уверен, что она тоже завалила экзамен.

Я пропускаю ее вперед и иду следом. Можно было бы сказать, что во мне проснулся джентльмен, но это было бы ложью, просто хочу еще раз взглянуть на ее попку, потому что у нее чертовски аппетитная попка. Шагая вслед за ней, я вдруг понимаю, какая же девчонка маленькая! Я на одну ступеньку ниже ее, но все равно вижу ее макушку.

Когда мы подходим к двери, она спотыкается на абсолютно ровном месте, и ее книги с грохотом падают на пол.

— Черт. Какая же я неуклюжая.

Девчонка опускается на колени. Я тоже опускаюсь на колени, потому что, вопреки моему предыдущему заявлению, я могу вести себя по-джентльменски, когда хочу, а сейчас джентльменский поступок — это помочь ей собрать книги.

— Ой, не надо, я сама справлюсь, — настаивает она.

Но моя рука уже схватила ее экзаменационную работу, а челюсть отвисла, когда я увидел оценку.

— Проклятье! Ты написала на «отлично»? — спрашиваю я.

Она смущенно улыбается.

— Ага. Я была уверена, что не сдам.

— Ну и дела. — У меня такое чувство, будто я налетел на Стивена мать его Хоукинга¹, и он помахал у меня перед носом тайнами Вселенной. — Можно почитать?

Ее бровь опять изгибается.

— Тебе не кажется, что это уже нахальство? Ведь мы даже не знакомы.

---

¹ Английский физик-теоретик, изучал теорию возникновения мира в результате Большого взрыва.

Я закатываю глаза.

— Я же не прошу тебя раздеться, детка, я просто хочу взглянуть на твою экзаменационную работу.

— Детка? Прощай, нахальство, здравствуй, бесцеремонность.

— Ты бы предпочла мисс? А может, мэм? Я бы обратился к тебе по имени, только не знаю, как тебя зовут.

— Естественно, не знаешь. — Она вздыхает. — Меня зовут Ханной. — Она делает многозначительную паузу. — Гаррет.

Ясно, я был оочень далеко от «М».

От моего внимания не укрывается, с каким подтекстом она произносит мое имя, как бы говоря: «Ха! А вот я твоё, козел, знаю!»

Девчонка собирает оставшиеся учебники и встает, но я не могу отдать ей ее работу, вместо этого я тоже поднимаюсь и начинаю листать страницы. Мое настроение опускается ниже плинтуса, потому что если Толберт жаждет получить вот такой анализ, то мне конец. Ведь я же не просто так оказался на историческом — я имею дело с фактами. С черным и белым. Вот это случилось тогда-то и тогда-то вот с этим человеком, и вот вам результат.

В работе Ханна полно теоретического дерьма, она расписывает, как философы отреагировали бы на различные нравственные дилеммы.

— Спасибо. — Я отдаю ей бумаги, затем цепляюсь большими пальцами за ремень своих джинсов. — Эй, послушай. Ты... могла бы... — Я пожимаю плечами. — Знаешь...

Ее губы дергаются, как будто девчонка сдерживает улыбку.

— Между прочим, я не знаю.

Я вздыхаю.

— Ты подтянешь меня?

В ее зеленых глазах — очень темного оттенка зеленого, я в жизни такого не видел, да еще и в обрамлении густых темных ресниц, — удивление сменяется скепсисом.

— Я заплачу, — поспешно добавляю я.

— О. Гм. Ну да, конечно, заплатишь, как же иначе. Но... — Она качает головой. — Извини. Не смогу.

Я стараюсь не показать своего разочарования.

— Да ладно тебе, сделай одолжение. Если я провалю пересдачу, мой средний балл рухнет. Ну, пожалуйста, а? — Я одаряю ее улыбкой, той самой, при которой на щеках появляются ямочки и от которой девчонки всегда млеют.

— Это всегда срабатывает? — с любопытством спрашивает Ханна.

— Что?

— Да вот эта застенчивая улыбочка маленького мальчика... Она всегда помогает тебе добиться своего?

— Всегда, — без колебаний отвечаю я.

— Почти всегда, — поправляет она меня. — Послушай, мне жаль, но у меня действительно нет времени. Я и работаю, и учусь, к тому же приближается зимний конкурс и у меня будет еще меньше времени.

— Зимний конкурс? — тупо переспрашиваю я.

— Ой, забыла. Поскольку это к хоккею не относится, то находится вне поля твоего зрения.

— И кто тут у нас бесцеремонный? Ты же даже не знаешь меня.

Ханна секунду молчит, потом вздыхает.

— Я учусь на музыкальном, ясно? Искусствоведческий факультет каждый год устраивает два главных конкурса, зимний и весенний. Победитель получает премию в пять тысяч долларов. Это очень серьезное мероприятие. На него приезжают важные люди со всей страны. Агенты, продюсеры звукозаписывающих компаний, искатели талантов... Так что я бы и рада тебе помочь...

— Но не сможешь, — бурчу я. — У тебя, как я полагаю, даже нет желания разговаривать со мной.

Ее легкое передергивание плечами в стиле «ты меня достал» чертовски раздражает.

— Мне надо на репетицию. Мне жаль, что ты завалил этот предмет, но если тебе от этого станет лучше, я напомню, что завалили все.

Я прищуриваюсь.

— Но не ты.

— Ничего не поделаешь. Толберт, кажется, впечатлилась моей писаниной. Это подарок свыше.

— Ну а я тоже хочу подарок. Пожалуйста, научи меня выдавать такую же фигню, ты же в этом дока.

Я уже готов упасть на колени и умолять ее, но Ханна уже стоит у двери.

— Ведь ты знаешь, что есть исследовательские группы, да? — спрашивает она. — Я могу дать тебе номер...

— Я уже туда хожу, — бормочу я.

— А. Ну, тогда я мало чем могу тебе помочь. Удачи на пересдаче. *Детка.*

Ханна выходит за дверь, а я в ярости смотрю ей вслед. Просто не верится! Любая девчонка в колледже отрезала бы себе руку, лишь бы мне помочь. А эта? Бежит прочь, словно я попросил ее убить кошку, чтобы принести жертву сатане.

В общем, я там же, где и был до того, как Ханна-не-с-буквы-М дала мне искорку надежды.

В полном обломе.

ГЛАВА 2

Гаррет

Когда я возвращаюсь после занятия исследовательской группы и захожу в гостиную, обнаруживаю, что мои соседи пьяные в стельку. Журнальный столик завален пустыми пивными банками, тут же валяется почти высосанная бутылка «Джека», которая, насколько мне известно, принадлежит Логану, потому что он исповедует философию «пиво только для телок». Его слова, не мои.

Логан и Такер ожесточенно сражаются в *Ice Pro*, их взгляды прикованы к экрану, и они исступленно жмут на кнопки. Увидев меня в дверях, Логан слегка косится в мою сторону, и эти доли секунды обходятся ему очень дорого.

— Черт, да! — вопит Так, когда его защитник кистевым ударом посылает шайбу мимо вратаря Логана, и табло загорается.

— Мать твою! — Логан ставит игру на паузу и мрачно смотрит на меня. — Какого фига, Джи? Я из-за тебя лоханулся.

Я не отвечаю, потому что мое внимание привлекает полуголая парочка в углу, устроившая там секс-сессию. Дин в своем репертуаре. С голым торсом и босой, он развалился в кресле, а на нем верхом сидит какая-то

блондиночка в кружевном черном бюстгальтере и шортиках в обтяжку и трется о его пах.

Дин смотрит на меня темно-синими глазами поверх плеча телки и ухмыляется.

— Грэхем! Какого черта, где ты был? — невнятно вопрошает Дин.

Я не успеваю отреагировать на этот пьяный лепет, так как он снова принимается целовать блондинку.

Почему-то Дину нравится трахаться где угодно, только не в своей комнате. Seriously. Когда бы я его ни видел, он всегда занимается каким-нибудь непотребством. На столешнице в кухне, на диване в гостиной, на столе в столовой — этот дебил использует для таких дел каждый сантиметр нашего дома, который мы арендуем на четверых за пределами кампуса. Он, как кобель, набрасывается на все, что движется, и ничуть этого не стесняется.

Хотя куда я лезу. Я сам далеко не монах, да и Логан с Таким тоже. Что можно сказать? Хоккеисты все озабоченные ублюдки. Когда мы не на льду, нас можно найти в объятиях наших фанатов, одной или сразу парочки. Или даже троечки, если тебя зовут Такер, а на дворе канун прошлого Нового года.

— Я уже час засыпаю тебя эсэмэсками, старик, — сообщает мне Логан.

Он всей своей массой подается вперед и смахивает со столика бутылку из-под виски. Логан самый настоящий боец, я с лучшим защитником не играл. А еще он отличный друг. Его имя Джон, но мы все зовем его по фамилии, потому что так проще не перепутать его с Такером, которого тоже зовут Джон. К счастью, Дин — просто Дин, так что нам не приходится звать его по фамилии. А фамилия у него еще та, язык сломаешь: Хейворд-Ди Лаурентис.

— Я серьезно, где тебя черти носили? — ворчит Логан.

— В исследовательской группе. — Я беру со стола банку *Bud Light* и дергаю за колечко. — А что за сюрприз, о котором ты все время трепался?

Я всегда могу определить, в каком состоянии Логан, по грамматическим ошибкам в его сообщениях. Сегодня